

КАРЫМСКИЕ МОГИЛЬНИКИ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Дана характеристика карымских некрополей средней и южной тайги Западной Сибири, включая грунтовый могильник, открытый в Сургутском Приобье. Установлено своеобразие раннесредневековых курганных могильников, оставленных общинами со смешанным составом населения, в том числе потомками северных карымских и южных саргатских групп.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, могильники.

Введение

В таежном Приобье открыто более 80 поселенческих памятников с находками карымской керамики и лишь четыре могильника и одно одиночное захоронение. Один из некрополей расположен в центре тайги, остальные — в южно-таежной подзоне [Борзунов, Чемякин, 2013а, с. 38, рис.]. В данной работе представлена общая характеристика погребальных памятников. Находки из них будут рассмотрены вместе со всеми карымскими материалами.

Характеристика могильников

Сегодня известен один карымский могильник без следов инокультурного влияния — **Сайгатинский VI**. Он расположен в самом центре лесного Приобья, в подзоне средней тайги, в 30 км к западу от Сургута, у п. Сайгатино. Небольшой комплекс из чуть более десятка карымских могил, открытых в разные годы Л.М. Тереховой (1989–1990 гг.), Г.А. Степановой (1990 г.) и К.Г. Карачаровым (1990, 1998, 2001–2004, 2007 гг.), составлял лишь часть обширного некрополя с многочисленными разновременными грунтовыми погребениями IV–XI вв. При этом последние находились на руинах городища Кучиминское XIII и селища Кучиминское XXII калинkinской культуры VI–IV вв. до н.э. Карымские погребения урочища Сайгатино одиночные, грунтовые, расположены на коренной террасе правого берега Оби. Ранее над могилами, возможно, возвышались деревянные домовины. Умершие были помещены в узкие неглубокие подпрямоугольные ямы, вытянуто на спине, головой преимущественно на ЮЗ — к обской протоке Большой Гнилой (рис., 1–3). Инвентарь погребений скуден: фрагмент глиняного сосуда, железный нож, иногда точильный камень. В одну могилу рядом с головой покойного поместили небольшой целый горшок [Терехова, Карачаров, 1994, с. 279, рис. 42, 1; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42–43, рис. 14, 8; 2002, с. 35, рис. 14, 18; Карачаров, 2003, с. 261; Сургутский краеведческий музей..., 2011, с. 55, 122, 146, № 106]. Одно из погребений предположительно было совершено в лодке, и могильная яма имела подтреугольную форму [Карачаров, Носкова, 2007].

Остальные погребальные комплексы, также считающиеся карымскими или даже туманскими, приурочены к южной кромке таежной зоны. большей частью они совершены под курганами, реже — в грунтовых могилах.

Козловский могильник расположен в Нижнем Приобье, близ г. Тюмени, на южном берегу Андреевского озера, в урочище «Козлова перейма» (Козлов мыс). Памятник открыт в 1950 г. В.Н. Чернецовым, исследовался им в 1955–1956 гг., а в 1959–1960 гг. — С.В. Зотовой. Позднее С.Н. Скочина сняла инструментальный план некрополя. В 2008 г. работы на памятнике продолжила Н.П. Матвеева. Материалы раскопок опубликованы частично [Чернецов, 1957, с. 162, 164–1966; Золотарева, 1957, с. 246–249; Матвеева, 2008]. Памятник состоял из грунтовых могил, расположенных рядами по всему мысу с промежутками в 3–4 м, а также из 15 небольших курганов, насыпанных в возвышенной части дюны. Ориентировка могил меридиональная с небольшими отклонениями. Грунтовые и подкурганные захоронения датируются примерно одинаково, хотя насыпи сооружены, возможно, чуть позже. При этом ни одно захоронение не нарушало другое. Это свидетельствует о наличии неких сооружений (типа традиционных деревянных «домовин» обских угров) над грунтовыми могилами. Как отдельные подкурганные захоронения обозначались на поверхности, сказать трудно. В.Н. Чернецов и С.В. Зотова вскрыли 62 могилы.

¹ Продолжение статей: [Борзунов, Чемякин, 2013а, б].

Карымские могильники Таежного Приобья

Одно или два погребения были обнаружены в 1967–1968 гг. В.Т. Ковалевой (Юровской) при раскопках неолитической стоянки. 14 погребений (в том числе два предположительно ранних, с позднебархатовской и иткульской (?) керамикой) исследованы Н.П. Матвеевой. При раскопках установлено, что в грунтовом некрополе умершие были положены в прямоугольные могилы, головой на север, вытянуто, на спину, с руками, сориентированными вдоль туловища. Могилы одиночные. Людей хоронили в «парадной» одежде, с личными вещами и заупокойной пищей. За головой у каждого из них стоял горшок. У некоторых погребенных были обнаружены бронзовые поясные пряжки с подвижным язычком, мелкие импортные стеклянные бусы синего, бледно-зеленого и красного цвета, у одного — бронзовый пинцет, у другого — остатки бронзового декора деревянной или берестяной посуды. В ряде случаев около могил в анатомическом порядке лежали кости черепов и зубы лошади. По заключению Н.П. Матвеевой, присутствие в могильнике разнокультурных погребений, а также сочетание грунтового и курганного обрядов захоронения свидетельствуют, что памятник мог быть оставлен одной полиэтнической (?) общиной, в которой традиция сооружения грунтовых кладбищ по каким-то причинам сменилась курганным обрядом [Юровская, А–1969, с. 17–24, рис. 6; Матвеева, 2008, с. 157]². В.Н. Чернецов под небольшими, частично слившимися округлыми насыпями диаметром 4–5 м, высотой от 0,2 до 0,4 м, зафиксировал прямоугольные могилы размерами 1,9–2,5×0,7–0,9 м, глубиной от 0,7 до 1,25 м. В ямах прослежены остатки «срубов». Размеры наиболее сохранившегося сооружения в погребении 2 (2,15×0,6 м), сложенного из бревен диаметром 15–30 см, явно превышали длину костяка (165 см). Погребения одиночные. Умершие лежали вытянуто, на спине, головой на север; слева от черепа покойного находился один горшок (реже — два) и кость лошади. Вещевой инвентарь небогат. В погребении 1 найдена медная гривна из прута круглого сечения с раскованными несомкнутыми концами, на которых прослеживались отверстия для шнура или металлической скрепки. Под костяком сохранилась подсыпка из белого песка. В могилах 2 и 4 у каждого погребенного был железный нож, подвешенный спереди на пояс. На самом поясе — спереди и сзади — находились по две круглые медные пряжки с длинными изогнутыми язычками. Под насыпями рядом с могилами обнаружены остатки кострищ, по-видимому связанные с культом огня. Керамика, по оценке В.Н. Чернецова, типичная поздняя ярсалинская и карымская — круглодонная гребенчатая и фигурно-штампованная, с обязательным пояском ямок в основании шейки. У сосуда из могилы 1 узор состоял из насечек по венчику и ямок на шейке [Чернецов, 1957, с. 162, 164–166, табл. XI]. В.Д. Викторова полагала, что керамика, найденная в могильнике, двух типов: лесного (туманского) и лесостепного, близкого речкинскому [А–1967, с. 147]. Последний тип сейчас интерпретируется как один из вариантов саргатской посуды. Н.П. Матвеева обнаруженную ею керамику соотнесла с карымской (основная группа), позднесаргатской, бакальской и кушнаренковской гончарными традициями [2008, с. 156]. Одной из черт, характеризующих общество, оставившее данный могильник, является прижизненная искусственная деформация черепов людей — кольцевого типа при помощи специальной налобной повязки. При этом было установлено, что хорошо сохранившиеся черепа мужчины и женщины (погребения 15 и 2) принадлежали представителям метисной популяции — промежуточной между монголоидным и европеоидным типами [Чернецов, 1957, с. 163, 164; Золотарева, 1957, с. 246–249, рис. 2; 3, 1а–в].

В 2009 г. в Красноярском археологическом комплексе, расположенном на правом берегу Иртыша, чуть выше устья Ишима, омские археологи раскопали могильник из четырех курганов — **Красноярка IV**, который определили как карымский. «Под тремя насыпями с линзами прокалов было расчищено 5 погребений, под четвертой — лишь небольшое скопление невыразительной керамики. Во всех могилах находились один-два сосуда и погребальный инвентарь. Костяки отсутствовали — лишь в трех погребениях были обнаружены обожженные (?) зубы, однако украшения и детали костюма найдены на соответствующих местах без следов воздействия огня» [Грачев и др., 2010, с. 239–240]. В состав погребального инвентаря входили глиняные сосуды, украшенные фигурно-штампованным орнаментом, разнообразные бронзовые украшения, детали костюма и культовые отливки, стеклянные бусы, железные детали ножен, остатки кожаного ремня с металлическими накладками, чаша из белого металла, каменный оселок и пр. [Там же, с. 240].

Еще **одно захоронение**, находившееся в 2 км от данного некрополя, возможно оставленное тем же населением, представляло собой могилу, рядом с которой стоял карымский горшок,

² Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

орнаментированный ромбическим штампом. По оценке исследователей, «параллели посуде из курганов обнаруживаются также в материалах могильника Усть-Тара VII, причем, в обоих случаях, вместе с карымской керамикой встречены сосуды с кушнаренковскими чертами» [Грачев и др., 2010, с. 240].

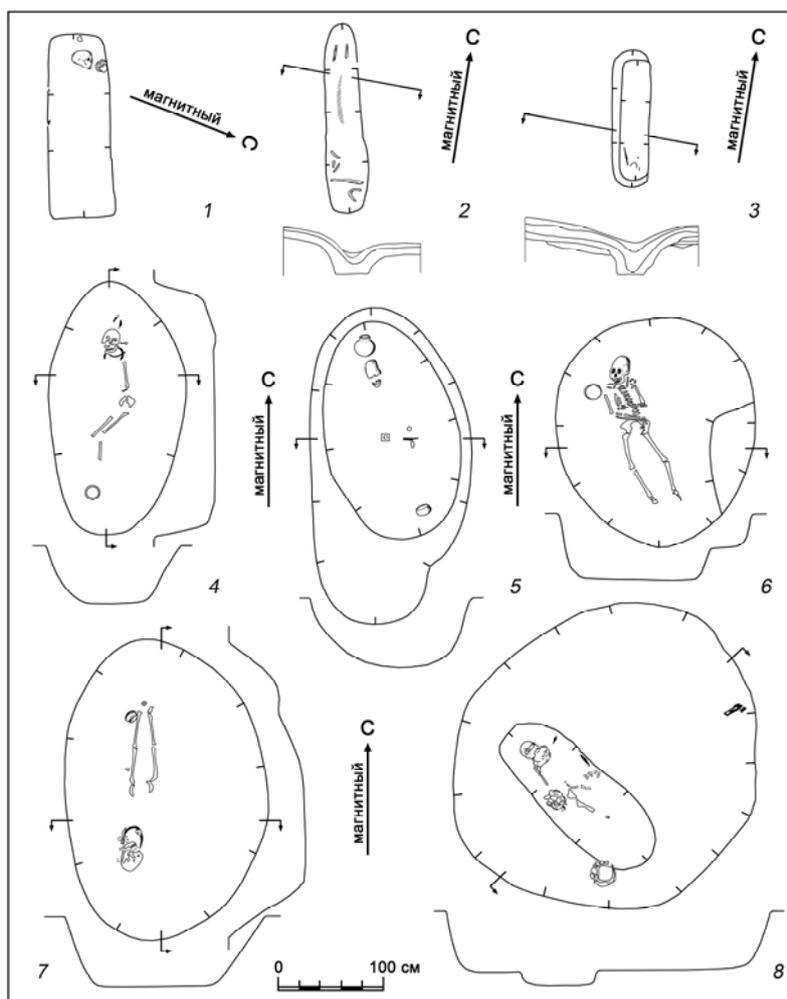

Рис. Карымские погребения Сургутского Приобья и Среднего Приртышья:

Сайгатинский VI могильник: 1 — погребение 40; 2 — погребение 54; 3 — погребение 55.

Могильник Усть-Тара VII: 4 — курган и погребение 14; 5 — курган и погребение 17; 6 — курган и погребение 3; 7 — курган и погребение 9; 8 — курган и погребение 8: 1–3 — по К.Г. Карачарову; 4–8 — по И.Е. Скандакову и Е.М. Данченко

Курганный могильник Усть-Тара VII открыт И.Е. Скандаковым в 1990 г. и полностью исследован им в 1990–1994 гг. Материалы раскопок детально проанализированы и опубликованы совместно с Е.М. Данченко [Скандаков, Данченко, 1999]. Памятник находился в 5,8 км к юго-востоку от д. Усть-Тара Тарского р-на Омской обл., на правом берегу р. Тары — правого притока Иртыша. Он состоял из 8 курганов с одиночными захоронениями, разбросанных среди естественных возвышений, первоначально принятых за курганы. В одной из таких насыпей найдены обломки карымского сосуда. Курганы песчаные, вероятно, распаханые, покрыты кустарником и отдельными соснами. Насыпи округлой и овальной формы, размерами от 3,0×1,2 до 7,0×4,5 м, высотой 0,10–0,55 м, ограждены прерывистыми ровиками, заполненными углями и обломками керамики. В одном ровике (кург. № 17) найдены кусочки спекшейся глины и обгорелая бронзовая пластинка. Под курганом № 9 рядом с погребением вместо ровика находилось вытянутое углубление, с другой стороны — округлая яма. В двух насыпях зафиксированы остатки сгоревших бревенчатых конструкций пятиугольной и подквадратной в плане формы — типа оградок. Могильные ямы широкие овальные, одна (№ 8) — подпрямоугольная (рис., 4–8). Размеры их

Карымские могильники Таежного Приобья

варьировались от 1,80×0,65 до 3,0×1,45 м, глубина — от 0,15 до 0,72 м. При этом в кургане № 8 могила занимала только часть пространства более обширной круглой (3,0×3,0×0,6 м) ямы. Дно могила ровное, иногда со ступенькой-выступом у одной из стенок. Половина ям были ориентированы в меридиональном направлении, остальные могилы вытянуты по осям СЗ–ЮВ и ЗСЗ–ВЮВ. В шести случаях удалось установить ориентировку покойных: положение головой на ССЗ было отмечено трижды, у остальных — на север, юг и СЗ. Умершие лежали вытянуто, на спине, только одна погребенная (кург. № 14) — на правом боку со слегка согнутыми ногами. По данным А.Н. Багашёва, в могильнике были захоронены семь женщин среднего и пожилого возраста (от 35 до 50 лет), молодая женщина (около 20 лет) и мужчина средних (35–40) лет. Их черепа имели прижизненную деформацию. Умершие были одеты в тканую, кожаную и меховую одежду, с украшениями (налобные повязки с бронзовыми бляшками, бронзовые серьги, височные подвески, шейные гривны, скреплявшие ворот одежды, стеклянные бусы и бисер), оружием и орудиями труда (железные ножи, наконечник стрелы, шило). У трех покойных были кожаные пояса с бронзовыми пряжками; кроме того, у одного пояса имелся бронзовый наконечник, у другого — прямоугольная бляха с рельефным декором. При этом в почти полностью разграбленном погребении мужчины были найдены обломок железного ножа, фрагмент изделия из яшмовидной породы с пропиленными пазами (подвеска?) для крепления шнура³ и зуб лошади. Остальные материалы, в том числе пояса с пряжками, ножи и наконечник стрелы, были положены женщинам. Керамика представлена 13 целыми или частично сохранившимися карымскими сосудами. Восемь из них найдены в погребениях (у головы и/или ног покойного), три — около могил, по одному — в заполнении рва и насыпи № 20, не содержащей следов захоронения. При одной женщине в горшке обнаружена бедренная кость годовалой лошади. Покойные были покрыты берестяными полотнищами, которые впоследствии почти полностью сгорели. Об этом свидетельствуют обугленные куски бересты, зафиксированные поверх погребального инвентаря и скелетов в могилах 8, 9 и 17. Помимо этого, огнем были уничтожены бревенчатые сооружения над курганами № 4 и 5, плахи, перекрывавшие могилу 14, кол на дне могилы 9, возможно, столбики в погребении 8 и другие деревянные конструкции. Продукты горения попали в ровики. Исследователи некрополя видят в этом проявление культа огня.

Обсуждение результатов полевых исследований

Грунтовые погребения Козловского могильника по ряду позиций (неглубокие узкие прямоугольные могилы, одиночные захоронения, вытянутое положение покойного, сосуд у его головы) сходны с карымскими объектами Сайгатинского VI могильника и более поздними северными некрополями таежного Приобья (рядность погребений, срубы, берестяные покрывала-полотнища). Тем не менее при оценке культурной принадлежности «карымских», «туманских» и карымско-саргатских могильников Нижнего Приобья, а также «карымских» Среднего Прииртышья обращает на себя внимание ряд черт погребального обряда, не свойственных средневековому населению северо-запада таежного Приобья. Для последнего (в рамках всего средневековья: IV–XVI вв.) характерны грунтовые могильники с мелкими узкими прямоугольными, вытянутыми овальными и подтреугольными ямами; расположение погребений очень плотно, малыми и большими рядами; наличие в могильных ямах срубов, рам из колотых плах, берестяных полотнищ, покрывавших дно погребений и самих покойных, жердяных и бревенчатых перекрытий ям; в исключительных случаях — устройство могил в форме лодок и/или с остатками лодок; речная ориентация могил и погребенных (последних — преимущественно головами на юго-запад и юг); одиночные, реже — парные и групповые захоронения; положение покойников вытянуто на спине; постановка сосуда с пищей у головы покойного; захоронения и подзахоронения черепов, в том числе завернутых в бересту; половозрастная дифференциация сопровождающего инвентаря (в первую очередь орудийного комплекса и оружия); захоронения кукол-«иттарма», вероятно символизировавших воинов, погибших далеко от дома; следы периодических тризн и «прикладов»; редкие трупосожжения и другие проявления культа огня [Арне, 2005; Терехова, Карачаров, 1994; Семенова, 1997, 2001; Зыков, Федорова, 2001, с. 50–63; Зыков, Кокшаров, 2001, с. 125–200; 2004, с. 330–331; Карачаров, 2002; Чемякин, Карачаров, 2002, с. 45–64; Борзунов, 2003а, б; Зыков, 2004, с. 333; Носкова, 2008, с. 187–197; 2010]. В южно-таежных некрополях, прежде всего прииртышских, расположенных за пределами основного ареала ка-

³ Не исключено, что этот предмет попал в могилу из слоя стоянки неолита — ранней бронзы Усть-Тара III.

рымских поселений, в окружении инокультурного населения, господствовал чуждый лесным охотникам и рыболовам курганный способ погребения умерших. Могилы под насыпями более глубокие, чем северные; нередко они — широкие овальные. К другим отличительным чертам южно-таежного «карымского» погребального обряда можно отнести ориентировку покойных преимущественно на север и северо-запад, разнообразный состав инвентаря, включавший ряд импортных предметов и вещей, созданных по чужим образцам, наличие в могиле одной женщины оружия (наконечник стрелы), в некоторых погребениях и рядом с ними — костей лошади, а среди карымских сосудов — необычных кринковидных и чашевидных форм. Еще один крайне важный показатель — прижизненная искусственная деформация черепов мужчин и женщин.

Подкурганные захоронения — традиционный элемент культуры степных обществ, воспринятый в конце эпохи бронзы и начале железного века в ряду других сакрально-мифологических новшеств большей частью населения евразийской лесостепи и некоторыми общинами, обитавшими на южной кромке лесной зоны. В южно-таежном Прииртышье курганы (в том числе со следами культа огня) известны у позднего богочановского населения (IV–II вв. до н.э.) [Данченко, 1996, с. 45–52, 109], в лесостепном Тоболо-Иртышье — у саргатского (V/IV вв. до н.э. — III/IV вв. н.э.) [Корякова, 1988, с. 46–58, 84–89, 131–134, рис. 3, 7]. Вполне вероятно, что первое заимствовало его у второго, подобно носителям новочекинской культуры, обитавшим в V–III вв. до н.э. на севере Барабы, в Обь-Иртышском междуречье [Полосьмак, 1987, с. 104–105; Данченко, 1996, с. 47]. Другим наследием степных и лесостепных скотоводческих племен является положение в могилы мяса и костей лошади. Кринковидные формы сосудов также считаются результатом саргатского влияния. Прижизненная деформация черепов в эпоху железа была характерна для некоторых групп населения Китая и степных народов, обитавших к северу от него. В евразийские степи эта мода была занесена, скорее всего, гуннами. С ними она появилась и в западно-сибирской лесостепи. Об этом косвенно свидетельствуют немногочисленные погребения, оставленные здесь этими кочевниками в III–V вв. н.э. [Генинг, 1968, с. 140; Уманский, 1978; Генинг, Стефанов, 1988, с. 8–9, рис. 2; Молодин, Чикишева, 1990; Егоров, 1993; Боталов, Полушкин, 1996, с. 184, рис. 8; Зыков, 2002; Зыков, Федорова, 2001, с. 23]. До этого деформированные черепа в Урало-Западносибирском регионе не встречались.

Все это наводит на мысль, что на южной окраине западно-сибирской тайги мы имеем дело уже не с собственно карымским типом памятников, а с некоей иной, видоизмененной и гетерогенной культурой (либо южным вариантом древностей карымского этапа обь-иртышской КИО), оставленной северными мигрантами, частично смешавшимися с южно-таежным населением — потомками северных саргатских и других местных коллективов. Скорее всего, именно от лесостепных и степных тоболо-иртышских общин рыболовы-охотники тайги восприняли чуждые для них черты погребальной обрядности, «моду» на вытянутые черепа и новые направления производящей хозяйственной деятельности.

В раннем средневековье степной курганный обряд проник и в Томско-Нарымское Приобье. По данным томских археологов, в релкинской культуре VI–IX вв. курганные могильники явно преобладали, в то время как в кулайскую «эпоху» на этой территории (VI в. до н.э. — V в. н.э.) известны лишь грунтовый могильник Алдыган, грунтовое детское погребение и женский череп (человеческое жертвоприношение?) на Саровском городище, грунтовая могила под средневековой насыпью в Усть-Киндинском могильнике [Яковлев, 2001, с. 7–10; Чиндина, 1978, с. 51–80; Чиндина, Терехин, 1992].

Кроме того, на южной кромке тайги выявлены позднейшие саргатские селища и некрополи со следами ярсалинско-карымского присутствия. Мы имеем в виду куст археологических памятников на оз. Ипкуль в Нижнем Притоболье, состоящий из поселения Ипкуль XV и Ипкульского могильника, исследованных свердловскими археологами под руководством Л.Н. Коряковой. В этой местности, близ устья р. Тавды — левого притока Тобола, остатки позднесаргатского населения проживали в долговременных стационарных поселках вместе с пришедшими с севера таежными коллективами с гребенчато-ямочной и фигурно-штампованной посудой. Судя по фаунистическим остаткам, жители поселения Ипкуль XV, в трех раскопанных жилищах которого вместе с позднесаргатской найдена керамика переходного ярсалинско-карымского облика, занимались скотоводством и в меньшей степени — охотой и рыболовством. В насыпях расположенного по соседству саргатского Ипкульского курганного могильника, частично сосуществовавшего с вышеупомянутым поселком, также найдена фигурно-штампованная керамика. Более того, в двух погребениях кургана 2 того же некрополя она залегала вместе с саргатской. Иссле-

Карымские могильники Таежного Приобья

дователи данной группы памятников отмечают в его керамических материалах «процесс смешения позднесаргатских, лесных и каких-то глубоко местных гончарных традиций» [Корякова и др., 1988, с. 126–127]. Хронология вышеупомянутых поселения и могильника, как и время первых саргатско-карымских контактов, могут быть определены IV или даже концом III — IV в. н.э. Возможно, здесь присутствуют самые ранние объекты южной периферии карымского ареала, предшествующие охарактеризованным выше южно-таежным «карымским» могильникам, оставленным гетерогенным населением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Викторова В.Д. Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды: (Опыт систематизации и периодизации археологических памятников). Т. 1: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. III. Д. 127.

Юровская В.Т. Отчет о работе на Козловой перейме (Андреевское озеро близ г. Тюмени). Свердловск, 1969 // Архив ПНИАЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 67.

Литература

Арне Т.Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века / Науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой под ред. А.Я. Труфанова; Комментар. А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2005. 184 с.

Борзунов В.А. Могильник Моховая XLV — новый памятник позднего средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003а. Вып. 1. С. 137–163.

Борзунов В.А. Средневековый культовый комплекс городища Барсов городок I/20 // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003б. С. 113–120.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: История изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 1 (20). С. 34–46.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 2 (21). С. 45–55.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 178–193.

Генинг В.Ф. Работы в Среднем Прииртышье // АО 1967. М.: Наука, 1968. С. 139–140.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Работы Уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография. Археология и история. Омск: ОмГУ, 1988. С. 4–18.

Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 239–240.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: ОмГПУ, 1996. 212 с.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 77–78.

Золотарева И.М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) // МИА. 1957. № 58. С. 247–250.

Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 47–50.

Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 332–335.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Изучение комплекса памятников Большая Умытья 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 327–331.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 26–50.

Карачаров К.Г. Исследования на VI Сайгатинском могильнике в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 261.

Карачаров К., Носкова Л. Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.northarch.ru/exp2007_2.htm.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. 240 с.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129.

Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 155–158.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 161–179.

Носкова А.В. Археологические раскопки могильника Тат-Ягун 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень; Ханты-Мансийск: Колесо, 2008. Вып. 6. С. 187–197.

Носкова А.В. Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 331–339.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Семенова В.И. Итоги работ Северного отряда археологической экспедиции Объединения «Тюменский областной краеведческий музей» (1983–1993 гг.) // Ежегодн. ТОКМ. Новосибирск: Наука, 1997. С. 140–159.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодн. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: Каталог. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.

Терехова Л.М., Карачаров К.Г. Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ, 1994. С. 277–289.

Уманский А.Г. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Чиндина Л.А. Саровское городище (Колпашевский район Томской области) // Вопр. археологии и этнографии Сибири. Томск: ТГУ, 1978. С. 51–80.

Чиндина Л.А., Терехин С.А. О кулайском компоненте на Усть-Киндинском курганном могильнике // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: ТГУ, 1992. С. 61–65.

Яковлев Я.А. Алдыган, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: ТГУ, 2001. С. 7–10.

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@usu.ru
yury-che@yandex.ru*

The article describes Karym necropolises from West Siberian middle and south taiga, including a burial site discovered in Surgut Low Ob basin. Subject to establishment being originality of early medieval mound burial sites left by the communities with mixed population, among those descendants of north Karym and south Sargatka groups.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym stage, burial sites.